

УДК 821.161

КРИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ Н. СТРАХОВА (ДИАЛОГ С УЧИТЕЛЕМ)

Нина Раковская, канд. филол. наук, доц.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
rakovskaya2009@mail.ru*

Актуализация изучения наследия Н. Стрхова связана с противоречивостью суждений о его критической рефлексии в современном литературоведении. Имя Н. Стрхова не заняло должного места в системе литературоведческих исследований. До сегодняшнего времени не собраны и не систематизированы его оценки литературного процесса II пол. XIX в., не выявлена его личностная критическая модель. В статье анализируются литературно-эстетические взгляды Н. Стрхова. Делается акцент на творческом диалоге Н. Стрхова и Ап. Григорьева. Ставится вопрос о самостоятельной позиции Н. Стрхова, обусловленной развитием литературы и искусства определенного исторического времени.

Ключевые слова: критика, рефлексия, концепция, код времени.

Постановка проблемы. В 2013 году в Харькове вышла книга Л. Г. Фризмана и Т. В. Ведерниковой «Уроки Стрхова». С нашей точки зрения, этот факт весьма примечателен, ибо литературная критика 60-х гг. XIX века в украинском литературоведении до сих пор не вызывает интереса у исследователей. Книга насыщена биографическими данными и фактами истории русской критики середины XIX века. Вместе с тем, в работе есть ряд неточностей, недоговоренностей. Так, скажем, нам трудно согласиться с интерпретацией статей Н. Стрхова о И. Тургеневе, Л. Толстом и т. д. Неясно также, почему значительный объем материала посвящен А. С. Пушкину, при этом акцент делается не на концепции Н. Стрхова, а на полемике вокруг творчества писателя. Вместе с тем, дидактический тон рецензии известного ученого С. И. Кормилова «Оправдание Стрхова» нам не совсем ясен. Очевидно, что о Н. Стрхове писали Н. Горбанев, Н. Скатов и ряд других авторов, но у всех были разные подходы к осмыслению противоречий в концепции критика. Как известно, в конце 60 — начале 70 гг. (после ухода из жизни Ап. Григорьева и появления статей Н. К. Михайловского) Н. Стрхов занимал ведущее место в литературно-критических отделах ряда значимых журналов. Нам представляется, что этот факт связан с тем, что Н. Стрхов пытался определить своё мировидение и позицию в разгар полемики

между славянофилами и почвенниками; с другой стороны, Н. Страхова связывали глубоко личные отношения с Л. Толстым, который всячески поддерживал издание статей критика, что стало очевидно после публикации эпистолярного наследия Н. Страхова литературоведом В. А. Тунимановым.

Безусловно, Н. Страхов не был столь блестящим критиком, как Ап. Григорьев, которого он называл учителем, но он был личностью со своей авторской позицией, которую неоднократно высказывал в ряде статей о литературе II пол. XIX века; более того, значимость его личности «высвечивалась» теми талантами, о творчестве которых он размышлял (имеем в виду его интерпретации романов Л. Толстого и Ф. Достоевского). Очевидно, что время вносило свои коррективы в концепцию Н. Страхова, вследствие чего происходили сущностные расхождения между ним и его учителем (Ап. Григорьевым). В этом плане позволим себе высказать некоторые соображения.

Сблизившись с Ап. Григорьевым в пору сотрудничества в журналах «Время» и «Эпоха», Н. Страхов после смерти критика много сделал для популяризации его наследия и имени. Он опубликовал со своими комментариями оренбургские письма Ап. Григорьева, ценные для понимания теории «органической» критики, издал — со своим предисловием большой том сочинений Ап. Григорьева и посвятил его памяти ряд статей и заметок. В своих статьях Н. Страхов не раз писал об особой критической системе Ап. Григорьева и ее воплощении в статьях о русской литературе.

Время наибольшей близости Н. Страхова к «органической» системе Ап. Григорьева связано с сотрудничеством в журналах братьев Достоевских и публикациями о А. Писемском и И. Тургеневе. В заметке Н. Страхова «Несколько слов о Писемском» он, по существу, излагает григорьевскую характеристику и оценку «безыдеального» реализма, в статье-некрологе «Н. А. Добролюбов» повторяет суждения Ап. Григорьева, изложенные в статье о Льве Толстом; в статье о романе И. Тургенева «Отцы и дети» также отразилась точка зрения Ап. Григорьева на литературный процесс I пол. XIX в. и т. д.

После смерти Ап. Григорьева наступает перелом в сознании и мировидении Н. Страхова. В отличие от учителя, считавшего почвенничество новым направлением русской мысли, Н. Страхов занимает иную позицию. В заключении к воспоминаниям о Ф. Достоевском он пишет: «Мысль о новом направлении... сперва занимала меня,

особенно вследствие влияния Ап. Григорьева, но очень скоро, может быть, по своему нерасположению к неопределенности, я порешил, что нужно прямо признать себя славянофилом...» [2, с. 167].

В связи с этим формировалось отношение Н. Страхова к вопросам о сущности и назначении искусства. Ап. Григорьев в ряде статей, наряду с суждениями о неприятии материалистической эстетики и «реальной критики», отвергал теорию «искусства для искусства». Произведения искусства он идентифицирует с жизнью живой природы, придавая им телесно-вещественную значимость. Ему, несомненно, близка натурфилософия и «органическая» эстетика Ф. Шеллинга. Н. Страхов не разделял этих взглядов учителя. Он не видел в искусстве его «царственного значения». Отсюда сугубо рационалистическое понимание искусства, стремление дойти до «мысли-идеи». В свое время Ап. Григорьев предостерегал Н. Страхова от чрезмерного рационализма: «Ты хочешь музыку лишить ее самостоятельности и поэзию тоже» [1, с. 152]. Н. Страхов, явно тяготеющий в период перелома своих взглядов к Гегелю, писал: «органические категории ведут свое происхождение не от естественных наук, а от философии немецкого идеализма, сила наиболее органическая есть мысль, лучший образчик организма можно найти в каком-нибудь проявлении мысли, например, в логике Гегеля» [2, с. 63]. Таким образом, Н. Страхов опровергал точку зрения Ап. Григорьева о литературе как живой силе, которой нельзя управлять, ее можно «только чувственно воспринимать». Не принимал Н. Страхов и размышлений Ап. Григорьева об «органичности» искусства как мере жизненности явлений, сущность которых заключается в истоках народной жизни.

Одно из первых свидетельств рационализма Н. Страхова — его диалог с Е. Н. Эдельсоном, который в статье «Идея организма и ее приложение в различных сферах знания» выступил с предостережением от злоупотребления понятиями «организм» и «органический» в литературе и искусстве, ибо апелляция к ним зачастую подменяет конкретные исследования. С одной стороны, комментировал он позицию Ап. Григорьева, «самый метод критики, прилагаемый им к оценкам современных литературных произведений, очевидно, превосходит широтою захвата методы наших критиков», а с другой — «блестящая формула ослепила ему глаза, как многим, заставила остановиться на полпути в исследованиях, довольно счастливо начатых» [4, с. 24]. Н. Страхов в статье «Органические категории» также

полагал, что органические категории ведут свое происхождение от логических, а не чувственных унастроений. Что касается Ап. Григорьева (которого Эдельсон назвал «одним из самых глубоких, хотя в то же время и наиболее туманных современных наших критиков» [4]), то своими возражениями и замечаниями о содержании понятия «органическая» критика Н. Страхов, пожалуй, скорее поддерживал оппонента своего учителя. Он писал: «Ап. Григорьев смотрит на литературу как на живую силу, которою управлять никому не дано, которую нельзя подводить под готовые понятия, но нужно понимать и истолковывать из нее самой». Подобный взгляд способен «дать приемам критики жизненную подвижность, но не более» [2, с. 49].

Вместе с тем, рассматривая особенности критической системы Ап. Григорьева в тесной связи с его общими взглядами на искусство, Н. Страхов проявлял непоследовательность. Не называя формулы «искусства для искусства», Н. Страхов именно к ней сводит сущность эстетики учителя. Что касается метода Ап. Григорьева, то Н. Страхов, понимая важность проблемы (ибо в критике, как и в других «делах ума», «главная заслуга заключается не столько в результатах, сколько в методе» [2, с. 68]), неоднократно предпринимал попытки анализировать «приемы нашего единственного критика», но ему это не всегда удавалось. Так, во второй статье о «Войне и мире» подходы Ап. Григорьева к литературе сравниваются Н. Страховым с концепцией И. Тэна, что, безусловно, искажало всю систему Ап. Григорьева. И не только в теории, но и в критической практике Н. Страхов, по сути, игнорировал важнейший принцип и критерий «органической критики», который заключен в самом ее понятии и который был для Ап. Григорьева мерой вещей. Принцип этот — «органичность» явлений, критерий — мера жизненности явлений, того, насколько глубоко уходят они корнями в народную жизнь, в какой степени являются ее «веяниями» и «голосами». Из них вытекал своеобразный адогматизм критической мысли Ап. Григорьева, нередко вступавшего поэтому в конфликт с почвеннической схемой, склонность и способность критика к диалогу с оппонентами — коль скоро их позиция не отвечала критерию «органичности». В этом отношении критический метод Ап. Григорьева был близок художественным поискам Ф. М. Достоевского.

Для Н. Страхова такие принципы и критерии были неприемлемы. Борьба с западничеством (и его русским отражением — нигилизмом) постепенно становилась главной темой его статей и углом зрения на

искусство. Вследствие чего отчетливо проявлялось различие между учителем и учеником.

Возьмем для сравнения те характеристики, которые давал демократическому направлению Ап. Григорьев в первом разделе статьи о Л. Толстом и Н. Страхов в работе «Бедность нашей литературы» (1868), особенно в ее пятом разделе — «Нигилизм. Причины его происхождения и силы». Исходя из критерия «органичности», Ап. Григорьев делает вывод о глубокой связи ряда талантливых теоретиков с идеей национального самосознания. «Критический прием» демократов, — замечает он, — «имеет свое важное, даже великое значение» и к тому все «вытекает прямо из нашей народной сущности, из свойств самой природы русского человека. В том-то и заключается, главным образом, его сила» [1, с. 185]. По мысли критика, «взгляд теоретиков торжествует и должен торжествовать» в настоящем, ибо «в торжестве его участвует одна из сторон народного духа, стало быть, все-таки непосредственная жизненная сила» [1, с. 137]. В силу искренности своей позиции «теоретики стали во главе умственного развития», а что касается будущего, то их «критическому взгляду» еще много дела — и деятели, нет сомнения, найдутся» [1, с. 136]. Вместе с тем Ап. Григорьев отчетливо понимал ограниченность поздней демократической критики, осознавал этот факт и Н. Страхов.

Н. Страхов делает главный акцент на доказательстве беспочвенности «теоретиков», их оторванности от реальной жизни. Справедливо писал Г. Флоровский, что для Н. Страхова демократическое движение — «воздушная революция», нечто «миражное», какая-то «фата-моргана», которая рассеялась при первом дуновении «свежего ветра» [3].

Становятся более резкими и суждения Н. Страхова о концепции Ап. Григорьева. Так, например, он упрощал взгляды Ап. Григорьева на место и роль А. С. Пушкина и, в частности, «белкинского» типа в послепушкинской литературе. Диалектически сложную и не лишнюю реальной глубины типологию характеров, предложенную Ап. Григорьевым, критик свел к отрицанию «хищного» типа и к превознесению типа «смирного», что противоречило самой сути григорьевской концепции.

В таком же аспекте Н. Страхов «уточнял» взгляды Ап. Григорьева на творчество молодого Л. Толстого, суть которых состояла в предостережении писателя от чрезмерно негативного отношения к

«блестящему» типу и от поэтизации типа «смирного». В страховской интерпретации все выглядело наоборот (имеем в виду Ап. Григорьева) — и именно эту, свою, а не григорьевскую идею он положил в основу анализа образной структуры «Войны и мира», что существенно меняло как смысл историко-литературных идей Ап. Григорьева, так и смысл философско-исторической концепции романа Л. Толстого.

Глубину расхождений между двумя критиками иллюстрирует и такая деталь. Если для Ап. Григорьева «единственное героическое лицо нашей литературы» — Александр Чацкий, «честная и деятельная натура, притом натура борца, то есть натура в высшей степени страстная» [1, с. 50], то для Н. Страхова характерно преклонение перед «героизмом смирения», идеальное воплощение которого он нашел в Платоне Каратаеве.

Неслучайно, конечно, симпатии критиков отданы столь разным характерам. Приведенные факты достаточно отчетливо выявляют грань между «органической критикой» Ап. Григорьева и «славянофильской» критикой Н. Страхова, характеризующейся в данном случае жесткой нормативностью. «Ибо есть какой-то тайный закон, по которому недолговечно все разметывающееся в ширину и коренится как дуб односторонняя глубина» [1, с. 417] — это горестное пророчество, высказанное Ап. Григорьевым за два года до смерти, невольно приходит на память при сопоставлении жизненных и литературных судеб Ап. Григорьева и Н. Страхова.

Отметим и следующий аспект: идея самосознания — стержневой элемент в системе Н. Страхова. Однако, в отличие от «органической народности» Ап. Григорьева и двуединой — национальной и народной одновременно — точки зрения Ф. Достоевского, «народность» Н. Страхова носила более консервативный характер, не имела, по мысли Ф. Достоевского, «духовной наполненности», что и привело его к противоречивым суждениям о русской литературе II пол. XIX в.

Как мы отмечали, Н. Страхов назвал 60-е гг. XIX ст. временем «воздушной революции». Речь шла об особом критическом сознании, связанном с осмыслением исторического времени, с отрицанием идеалов современности, к созданию концепции основательности. Н. Страхов был прав, когда отмечал, что события истории часто оборачивались отрицанием культуры в целом и традиции в частности, о чем свидетельствует появление нигилизма. Г. Флоровский по этому поводу писал: «В догматизации абстрактных и самодостаточных

идеалов и содержался психологический смысл всяческого утопизма, который стремился «перекроить действительность». Для утопизма очень характерным было «ощущение в истории себя как в пустыне» [3, с. 287]. Нигилисты, по мнению Н. Страхова, отвергали любую независимую этику и всяческую этику вообще, подменяя эстетические и этические категории абстрактными. Парадокс, с его точки зрения, состоял в том, что в истории русской культуры это было время эстетического, философского и религиозного пробуждения. В этом плане он называл имена Ф. Тютчева и А. Фета, П. Чайковского и А. Бородин, К. Леонтьева.

Н. Страхов был убежден, что в творчестве указанных художников очевидна магистральная линия русской культуры. Однако русское самосознание не всегда следовало этой линии культуры. Религиозной вере был противопоставлен «темный рационализм». Состоялся разрыв интеллекта и инстинкта, ума и интуиции. Именно этот разрыв ощутили, с точки зрения Н. Страхова, И. Тургенев, Н. Чернышевский и Ф. Достоевский. В их мирозерцании произошло отторжение нигилизма как явления «миражного». Его основная и здоровая черта — отрицание, в нем проявляют себя такие черты русского характера, как «скептицизм, недоверие, отсутствие наивности, бездеятельности, но умная лень и глубокий цинизм» [2, с. 80]. Все это, согласно прогнозу Н. Страхова, не имеет никакого будущего: «Неужели можно было ждать чего-то нормального и красивого от людей, которые разорвали связь со своей историей и народностью? Невольно приходилось оставаться в воздухе, между небом и землей, и мечтать о переселении на месяц или, в крайнем случае, о переезде на необитаемый остров, где можно было бы создать новое человечество» [2, с. 81].

В заметке «Новые люди», помещенной в одном из последних номеров «Эпохи», он обращал внимание читателей на знаменательный литературный факт — появление целого ряда произведений о новых людях, или нигилистах (между ними он не видел никаких различий). «Первым начал дело чувствительный И. Тургенев, который в своем Базарове задумал воплотить нового человека. Потом А. Писемский написал «Взбаламученное море», в котором в соответствии с новым веянием появляются и фигуры новых людей. Затем романы, которые более или менее касаются этого вопроса, стали рождаться чрезвычайно быстро» [2, с. 219]. Среди этих романов, в которых все вертится

вокруг главного, а именно — образа «нового человека», критик называл также «Что делать?» Н. Чернышевского, «Некуда» Н. Лескова и другие. В этот период тексты статей Н. Страхова стали представлять собой гомогенный контекст, денотативным ядром которого был диалог с автором и читателем. Смысловые связи (оценка нигилизма как явления исторического и нового типа личности в литературе, появившейся в связи с этим) обуславливали структуру текста, указывали на его целостность. Обозначился интерес и к трансцендентальному, возникли размышления о целостности мира, в центре которого человек, созданный Богом. «Если мир есть «целое», то в нем, следовательно, есть и центр, который обуславливает целостность. Этим центром является человек, суть Вселенной, его загадка и одновременно разгадка», — писал Н. Страхов [2, с. 249].

Считая возможность появления новых — в узком понимании слова — людей дела, по крайней мере, сомнительной (так как «люди всегда люди, природа человеческая все та же»), Н. Страхов одновременно утверждал, что интерес к людям нового типа со стороны многих писателей свидетельствует об определенном общественном симптоме, который критика не имеет права игнорировать. Сам факт появления «нигилистических» и «антинигилистических» романов «безусловно и неопровержимо доказывает, что русская литература была «озабочена мыслью» о новых людях, что возможность новых людей была предвидена и допустима, или, в конце концов, воспринята с горячей верой в нашей литературе. Все равно, — продолжает Н. Страхов, — боялись нового, ждали его, призывали его или отрицали, но только мысль о новом, очевидно, тяготела над умами» [2, с. 221].

Действительно, стремление к новому в жизни, которое обнаруживалось в романах о новых людях, в любом случае означало, что жизнь потеряла для определенной категории художников свою привлекательность, омрачилась и утратила смысл. «В этом, конечно, и суть дела, — замечает критик. — Вопрос именно в том, имеют ли новые люди какой-либо определенный идеал, и если имеют, то какой он есть... вот богатый сюжет для наших тонких и острых критиков» [2, с. 90].

Ко времени появления этих заметок Н. Страхов уже опубликовал статью о романе И. Тургенева «Отцы и дети», написал статью о романе Н. Чернышевского «Что делать?», а через два года выступил с большим трудом о романе Ф. Достоевского «Преступление и наказа-

ние». Все три романа связывались в его сознании с темой нигилизма, которая была рассмотрена в статьях под углом зрения его обновленной концепции.

Любопытно, что статья о романе «Отцы и дети» выражала общую точку зрения почвенников на тургеневский роман. Н. Страхов же был близок к конкретной оценке, которую дал роману Ф. Достоевский; очевидны и его циклические возвращения к теории «органической» критики учителя. Возможно, именно поэтому эта статья осталась в наследии Н. Страхова наиболее целостной, стройной и стала вершиной из всего им написанного (осталась, хотя сам автор в скором времени отрекся от нее). В своем понимании особенностей тургеневского таланта («он является образцом писателя, которому присуща чрезвычайная подвижность и вместе с тем — глубокая чувствительность, глубокая любовь к современной ему жизни» [2, с. 184]), во взгляде на Базарова как на жизненное явление, органическое «веяние» русской жизни Н. Страхов также следовал идеям своего учителя, и поэтому в статье, как и в работах Ап. Григорьева, проявляются социоисторический и культурный коды, присутствует «система вопросов и ответов».

Таким образом, проблемы, которые занимали Н. Страхова, были подсказаны временем и развитием литературного процесса, поэтому его коррекция взглядов Ап. Григорьева вполне закономерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьев Ап. Сочинения : в 2 т. / Ап. Григорьев. — СПб. : Изд. Н. Н. Страхова, 1875. — Т. 2. — 509 с.
2. Страхов Н. Н. Критические статьи : в 2 т. / Н. Н. Страхов. — К. : Издание И. П. Матченко, 1902. — Т. 2. — 434 с.
3. Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. — Париж : YMCA-Press, 1983. — 700 с.
4. Эдельсон Е. Н. Идея организма и ее приложение в различных сферах знания / Е. Н. Эдельсон // Библиотека для чтения. — 1860. — № 3. — С. 22–31.

КРИТИЧНА МОДЕЛЬ М. СТРАХОВА (ДІАЛОГ З ВЧИТЕЛЕМ)

Ніна Раковська, канд. філол. наук, доц.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

Актуалізація вивчення спадщини М. Страхова пов'язана зі суперечністю суджень про його критичну рефлексію у сучасному літературознавстві. Ім'я М. Страхова не зайняло належного місця в системі досліджень історії критики сер. XIX ст. До сьогодення часу не зібрані та не систематизовані його оцінки літературного процесу II пол. XIX ст., не виявлена його особиста критична модель. У статті аналізуються літературно-естетичні погляди М. Страхова. Робиться акцент на творчому діалозі М. Страхова та Ап. Григор'єва. Ставиться питання щодо самостійної позиції М. Страхова, яка обумовлена розвитком літератури та мистецтва певного історичного часу.

Ключові слова: критика, рефлексія, концепція, код часу.

N. STRAKHOV'S CRITICAL MODEL (DIALOGUE WITH THE TEACHER)

Nina Rakovskaya, Candidate of Philology, associate professor

Odessa I. I. Mechnikov National University

Statement of a problem. Mainstreaming of N. Strakhov's heritage is caused by discrepancy of judgments of modern literary critics about him. The name of N. Strakhov didn't take a due place in system of literary researches. Till nowadays his marks of Russian literary process of the second part of the 19 century are not collected and systematized. His personal critical model isn't revealed.

The aim of research is in making monitoring about philosophical and esthetic and literary positions of the critic.

The tasks are in defining of essence of polemic of N. Strakhov with modern to him critics and to define his position in the context of a slavfeels' and soil's critical reflection.

Interpretative practice of N. Strakhov developed from the one side under the influence of the Ap. Grigoriev. From the other side it was determined by N. Strakhov's aspiration to take his outlook position. Because of the above «an anthological meeting» of two types of critical consciousness: soils' (Ap. Grigoriev) and slavfeels's (N. Strakhov) is established.

N. Strakhov indicated his platform in the Zarya magazine where he conducted critical department in 1869–1871 as slavfeels's.

Counter with opinions of Ap. Grigoriev, N. Strakhov places the main emphasis on the proof of banality of «theorists» of their isolation from real Russian life.

N. Strakhov disproved the point of view of Ap. Grigoriev that literature is a main power which can't be operated. From here is the rationalistic understanding of art, aspiration to reach the «thought idea» of the product.

As a result of making research it is possible to summarize the following. Nihilists, according to N. Strakhov's opinion, rejected the words any independent ethics and every ethics in general, substituting moral categories with abstract categories of happiness or

satisfaction. Paradox from his point of view that in the history of the Russian culture it was time of esthetic, philosophical and religious awakens.

The received results caused the following conclusion. Problems which worried N. Strahov were prompted by time and development of literary process therefore its correction of views of Ap. Grigoriev is quite natural.

Key words: *criticism, reflection, concept, time code.*

REFERENCES

1. Grigorev, Ap. (1875), *Sochineniya*: v 2 t. [Complete Works : in 2 volumes], Izd. N. N. Strahova, St. Petersburg, [in Russian].
2. Strahov, N. N. (1902), *Kriticheskie stati*: v 2 t. [Critical articles : in 2 volumes], Izdanie I. P. Matchenko, Kiev, [in Russian].
3. Florovskiy, G. (1983), *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian divinity], YM-CA-Press, Paris, [in Russian].
4. Edelson, E. N. (1860), «An idea of organism and her application are in the different spheres of knowledge», *Biblioteka dlya chteniya*, no. 3, pp. 22–31.

Стаття надійшла до редакції 14 березня 2016 р.